

ЛЕЙЛА БЕГИМ
И Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!..
ВОЙНА И МИР

Прозаический венок/ Повесть.

***

Зловещий звук электрической гитары рок-оперы «Jesus Christ Superstar» распивал воздух так, что к горлу подступал ком, глаза слезились – то ли от разлетающихся во все стороны воздушных щепок, то ли от ожившего в одно мгновение музыкального гения, бросившего вызов залу, замершему в ожидании действия... В последующую минуту справа, в проходе, в двух метрах от моего крайнего сидения, действительно выросла тень, скользящая в передний ряд. От страха я старалась не смотреть, но боковое зрение четко обрисовало хорошо знакомый мне силуэт.

– Нет, этого не может быть. Так не бывает... Здесь 4 этажа. На каждом – несколько входов в зал. Я села не в свой ряд. Не на свое место. Да и как он здесь очутился? Такого не могло...

– Могло, – эхом пронёсся ответ, магнитом тянущий меня вниз.

– Я не должна двигаться. Любое движение, любой шорох выдадут мое присутствие...

– Суть в этом, – вновь раздалось эхом, и в эту же секунду на сцене появился Иисус, и вся сцена залилась ярким светом...

– В чем? – невольно мысленно переспросила я, но с уст слетел вырвавшийся на волю «Чёрт!», под пение Иуды несущийся вслед за выпавшим из рук билетом, который скрывшись в щели между рядами, предательски приземлился на переднее сиденье.

– Это Свыше. Знак. – заключила я, осторожно подняв глаза.

Знакомый силуэт уже находился одним рядом выше. Рядом со мной.

– Ты? – растерянно, шёпотом спросила я.

– Ты... – улыбаясь, протягивая мне билет, ответил он.

... А со сцены струилась новая, неземная мелодия, медленно поднимающаяся вверх, к нам, предвещающая финал – бурные аплодисменты, восторженные свисты вперемешку с «Bravo!» и долго звучащее эхом: «Love you!»

***

Love you...

– I love you, – сильным голосом тянула Билли Айлиш, а за окном сыпал снег кадрами немного кино тридцатилетней давности...

Почти 30 лет время от времени я просматривала этот фильм и каждый раз понимала, что пронзительнее финала и не придумаешь...

Смахнув со щеки накопившийся сентимент, я потянулась к телефону.

20 непрочитанных сообщений в Ватсапе. 10 новых писем и масса оповещений в фейсбуке, который своим фейковым лицом буквально начинал поднадоедать.

– Не отвечать, – твёрдо приказав себе, я вскочила с постели. Через 15 минут я уже была за рулём, а ещё через час – у дверей офиса, к которому мысленно шла последние шесть месяцев.

***

Шесть месяцев, как мы получили долгожданную работу. Репортажи, поездки, встречи со знаменитостями наполнили нашу жизнь красочными моментами, пестрящими в социальных сетях, вызывавшими не менее яркие эмоции у наблюдавших.

«Тет-а-тет с Тиной Тёрнер», «Сто секунд настоящего времени со Стингом», «Блиц интервью с Кейт Бланшет», «Признание Призрака Оперы» краткими огненными вспышками попадали в цель.

Он держался в тени, а я невольно оказывалась в лучах славы моих звёздных собеседников. Рубрика «Искусство настоящего времени» с космической скоростью увеличивала количество подписчиков.

У меня было такое ощущение, что мы находимся на борту корабля, мчавшегося в неизвестность... Известно было только то, что я влюблена. В жизнь, в него и во все вневременное, что было связано с ним...

***

Связано с ним было многое.

Одни улицы, по которым мы, счастливые ходили в юности, скалы со стаями чаек в ожидании шторма, томящее солнце уходящего лета, стихийно залетевшее в город горе, ропот глухой ночи, чёрные пустые глазницы соседских окон, цинковые гробы, конец и начало жизни...

***

Конец и начало жизни сходятся в одной точке.

Я взяла телефон. Открыв заметки, стала записывать:

*Это ты был?
Холодный пепел
Я вдыхала, ловила вкус...
И слетал с губ солёных лепет,
И с петли ночь сорвалась – в хруст,
И металась в груди две птицы,
И в два голоса дождь стонал,
И – тенями – чужие лица
Поглощала густая тьма...
И тянула магнитом пропасть,
Поднимались слова со дна,
А на небе раскрылся лотос ...
Это ты был? Шепни мне: Да.*

Поставив точку, я коснулась значка ватсап. 1 непрочитанное сообщение. От него. С коротким ответом: ДА.

***

– Да. Сегодня, конечно, – мелодично протянул он. Заметив мою улыбку, добавил: – Почему?

– Потому, что я люблю тебя.

Он нежно потянул меня к себе.

*Мне кажется, я помню этот час –
Звнящую прохладу водопада,
Свет восходящей за окном лампы
Как миг скользнул в шафрановых лучах,
Проникнув властным ласковым ручьём
Из тысячной ночи Шехерезады...
И разверзлась тишина, и рядом
Я ощутила ангела плечо...*

***

- Я ощутила ангела плечо!
- Правда, все было так реально...
- Наши сны и есть реальность. С одной лишь разницей: там нет времени.
- Вот откуда ты такой умный?
- Из твоего сна. Но сейчас мы живем в настоящем времени. Поэтому быстро вставай и марш в ванную. Я пока кофе сварю.
- Во сколько мы должны быть там?
- В два. Через четыре часа.

***

- Через четыре часа мы уже были в вестибюле отеля.
Долго ждать не пришлось. Буквально через пару минут появилась высокая белокурая молодая женщина, которая и проводила нас к нашему герою...
- Настоящий герой! Мне не верится, что я его увидела!
  - Жаль, что он не увидел, какая ты красивая у меня!
  - «Three wonderful minutes with Stevie Wonder» will rock current time!
  - Three wonderful min with my Nata will rock a time!¹
  - Я люблю тебя!..

***

- Я люблю тебя... Только нам надо через час быть в редакции. Если опоздаем, никто не станет выслушивать наши признания
- Чтоб получить признание Стив Уандера, поверь мне, нас выслушают.
- Верю. И жду тебя в машине.
- В редакции нас уже ждали.
- Ну? Есть что-то новое? – едва отведя взгляд от ноутбука, спросил редактор.
- Да.
- Что?
- Признание от Стива Уандера.
- Какое?
- На вопрос: что бы вы сказали маленькому, 5-летнему Стиву Уандеру, если бы встретились с ним?
- Я бы нежно обнял и поцеловал его в глаза... и поблагодарил. За преданность.
- Очень трогательно! Только поэт может вдохновить незрячего гения на такое откровение...
- Только моя Ната так умеет, – шепнул он мне.
- Я улыбалась и понимала, что я счастлива.
- Сегодня. 23 сентября. А завтра впереди еще один счастливый день – мой ДР и я возвращаюсь домой, к детям.
- В этот день дома всегда пахло вином, яблоками и корицей.

¹ Три волшебные минуты со Стивом Уандером встряхнут настоящее время!
Три волшебные минуты с моей Натой минуют время! – **перевод автора.**

И в этот раз всё так и было. На этот раз – благодаря моей дочери, которая напекла сладостей и накрыла стол.
Как всегда, на 5 человек.

***

«Как всегда, на 5 человек у тебя накрыт стол.
Ты в новом красном платье. Латунный пояс, подчёркивающий твою тонкую талию, так блестит, что режет мне глаза....
Ты дома, счастлива ... А я...
Я через океан от тебя. За оконной рамой твоей поэзии...
Сегодня я, как и ты, в красном. В рубашке, которую подарила мне ты.
Я тоже счастлив. Правда.
Потому, что у меня есть ты...»
Прочитав это сообщение, я послала ему сердечко и отложила телефон.
Впереди целый месяц.

***

Впереди целый месяц – так я думала ещё пару дней назад. Но вой, ворвавшийся в нашу жизнь, сорвал все планы.
Вой - на, – стучало в голове.
Война, – получила я сообщение. – Я должен срочно вылететь в Баку.
– Понимаю...
– Я, видимо, сразу отправлюсь в горячие точки. Должен быть там. Не знаю, как будет со связью.
– Понимаю...
– Мне надо собираться. Я тебе наберу из аэропорта.
– Ок.
– Это все, что ты хочешь мне сказать?
Я хотела написать ему, что мне страшно за него, что я боюсь. Но чувства, захлестнувшие меня, были настолько противоречивы, что я ничего не соображала.
Я столько писала о войне, но поняла одно – я ничего о ней не знаю... И не знаю, как реагировать на неё.
Когда она подошла к моему порогу, оказалось, что я к ней не готова! Я не знала чего ждать от неё. С одной стороны – она, наконец, пришла, чтоб освободить наши земли, а самое главное – нас – от душевной боли, от чувства стыда, присущего побежденному. С другой стороны, я вдруг ясно поняла, какой ценой может достаться эта свобода.
Может, действительно свобода кроется под могильными плитами? Нет!
Только не это. Только не это!...

***

– Только не это! Пожалуйста, ты не должна плакать!
Его голос звенел у меня в ушах.
Слова, которые он успел мне сказать прямо перед отлётом. А после – сообщения до него уже не доходили.
В связи с войной интернет в Баку работал с большими перебоями. Шёл третий день войны. Второй день известий от него не было.
Я толком не ела, не спала. Все привычные домашние дела решались на автомате. Лента фейсбука пестрела обнадёживающими новостями с фронта, которые не могли не радовать. Но радость быстро сменялась то чувством щемящей боли, то – удушливым беспокойством. Как раз в такой момент, когда я задыхалась от тяжелых мыслей, мне пришло сообщение.

- У меня все ок. Как ты?
- Наконец! Ты где?
- В Тертере. Подпишись на страницу «Silver Wolf» – в фейсбуке, инстаграмме и твиттере. Ватсап не всегда работает. По моим постам ты будешь знать, что я жив и здоров.
- Я боюсь за тебя.... И горжусь тем, что ты – там.
- Я здесь. И ты рядом. Всегда.
- Да...
- Я должен идти.
- Береги себя. Пожалуйста.
- Люблю.

***

«Люблю!!!»

Писала я ему каждый раз, когда читала короткие, точные и взрывные, как удары по врагу, сводки с фронта,

Они разлетались в сети фейсбука, как осколки снарядов.

Стремительное продвижение наших войск по всем линиям фронта, освобождение земель пядь за пядью ускоряло ход времени. Дни летели стаей птиц, возвращающейся домой, в Шушу.

Я послала ему песню, музыка и слова которой родились за месяц до войны. Бархатный, родной, как шушинский воздух, голос певицы, проникающий в самые глубины души, бальзамом разливал каждую нотку и каждое слово песни.

Ночью пришёл ответ:

– Прекрасно!

Ты – крепость моих грёз! Ты – моя Шуша! Жди – совсем мало осталось...

Я, конечно, ждала. Ждала каждую минуту...

***

Я ждала каждую минуту. Последний его статус в фейсбуке был датирован позавчерашним днём.

Шел 30-й день нашей 30-летней войны.

Шёл уверенным, победным маршем

За 30 лет нам не удалось сделать и сотой части того, что мы сделали за месяц.

Мы приближались к самому дорогому для нас, самому заветному....

А он не появлялся. Я каждые пять минут проверяла сообщения, его страницу в фейсбуке, новости.

«Вражеская сторона несет большие потери в военной технике и живой силе», – читала я в новостях. А что теряли мы?

Он продолжал молчать, и этот вопрос сводил меня с ума

Ночами мне становилось совсем страшно. Находясь за десятки тысяч километров от зоны боевых действий, я видела, как разрываются снаряды... И сама срывалась на плач...

*Не раскачивай землю!
Не бросай в ее недра снаряд!
Посмотри! Это тело
Твоей матери, выпившей яд!
Не кромсай на кусочки!
Потуши поскорей горизонт!..
Зовом сына и дочки
Старый колокол бьёт!*

*Этот звон
Рассыпается градом
Над горящей твоей тишиной!
Не раскачивай землю!
Не стели саван в ночь надо мной!*

Неожиданно пришло сообщение:

- Не публикуй эти стихи. Не сейчас.
- Сейчас есть только ты!!! И я люблю тебя!

***

– И я люблю тебя!

Я перечитывала его ответ в сотый раз и представляла то, как он вернулся.

Пытаясь увидеть конец войны, день победы, нас, живущих не прошлыми горестями и будущим счастьем. Нас, счастливых в настоящем времени.

Но когда ты хочешь ощутить вкус счастья, в памяти неизбежно всплывают эпизоды прошлого, в которых этот вкус переживает все остальные...

– Ната, постой! Почему тебя не было на лекции?

– Я была в библиотеке. А что?

– Ну, не дуйся!

– Я не дуюсь. Я просто тороплюсь домой.

– А можно мы вместе поторопимся?

– Ну к чему тебе такой круг делать?

– А я не буду кружить. Я приземлюсь у тебя. Ты же угостишь меня чаем?

– Но скоро комендантский час.

– У меня один комендант. Когда скажешь – я пойду домой.

– Я комендант? Ах так, да?

В следующее мгновение я сама не поняла, как оказалась в его объятиях.

До сих пор помню эти руки, запах кожи и вкус первого поцелуя... Вкус счастья.

***

Вкус счастья у каждого свой.

У меня он связан с ним. С моей первой, неосознанно чувственной и зрелой, полной нежности любовью.

Между первой и второй ипостасью моей любви лежал долгий, многолетний путь.

От горького расставания до неожиданной благословенной встречи....

*Благословляю этот день и час,
Магнитное мгновение рожденья,
Взмах дирижерской палочки-луча
И первый знак земного притяженья.*

Притяжение земли... Оно и разлучило нас ... Когда началась война, он сказал, что не может продолжать учёбу, пока его землю топчут враги. И записался добровольцем.

В Баку было беспокойно, и мама, у которой все родственники в Москве, решила, что мы должны переехать. Вернее, так решил ее старший брат. Папы уже два года, как не было... Так мы и переехали в Москву. Я перевелась в МГУ на журфак.

Здесь я и познакомилась с Францем.

Полтора года Франц ухаживал за мной.

Через семь лет с четырехлетним сыном мы переехали к нему на родину, в Берлин.

Ещё через 7 лет нас уже было четверо. Тогда же к нам переехала мама. Мы с Францем жили дружно, но что-то не клеилось... Когда дети подросли, мы решили с ним жить порознь.

Наш союз украшали только дети.

***

Только дети могут беспристрастно дифференцировать несправедливость.

– Мама! Люди гибнут и на той, и на другой стороне!

– Ты права. Но не мы развязали эту войну. Если бы в твой дом вошли грабители, нагло заняли его, а тебя выгнали за дверь, что бы ты делала?

– Пошла бы в суд!

– Правильно! А если закон на твоей стороне, но они все равно не выходят из твоего дома, что бы ты сделала?

– Потребовала бы выйти из моего дома.

– А они в ответ стали бы убивать твоих детей. Тогда что?

– Я бы тоже их убила.

Вот именно это сейчас и происходит.

Это не межнациональный конфликт. Это конфликт между законом и беззаконием.

15-летняя дочь понимала, но мир, оглохший на одно ухо, отказывался понимать.

Мир, прятая за спиной оружие, призывал к мирным переговорам. Мир, под развалинами человечности которого гибли дети, продолжал вооружать человечество.

Мир, сотворение которого было чудом, обретал формы чудовища.

И он писал об этом, подкрепляя свои хлёсткие, как пощёчины, высказывания фотографиями погибших детей....

Господи, когда же все закончится? Когда?... – писала я ему.

*Пока ты борешься за мир,
И верой освящаешь слово,
Во сне являешься, как Овод,
Вождем зловещей кутерьмы,
Я тихо за тебя молюсь.
А за окном нищает осень,
И лунный серп минуты косит,
И в форточку сочится грусть...*

***

В форточку сочилась грусть... Первый луч ноябрьского солнца пробивался сквозь неплотно занавешенное окно, напомнив сегодняшнюю дату.

1 ноября. Сегодня его ДР.

В Вотсапе было 2 сообщения. Оба от него.

Первое, полное нежности, говорило о том, что он скучает, и осталось совсем мало, и мне не надо ни о чем беспокоиться. Мне хотелось перечитывать его сотни раз, но я прочла следующее сообщение, в котором он просил перейти на Gmail.

Я открыла почту и начала читать его письмо.

«Привет. Всё, что я расскажу, сохрани, пожалуйста. Может, когда вернусь, напишу повесть. С моим телефоном здесь может случиться все, что угодно».

Меня стали душить слёзы, но я продолжила чтение:

«Итак, бои шли в 3 км от Шуши. Мы вошли в одну из деревень.

Все здесь было до боли знакомым и вместе с тем чужим..

Мне казалось, что я вижу сон.

Было по-осеннему зябко, но сырая от утреннего дождя земля пахла весной... И я невольно вспомнил тот день... Я рассказывал тебе, как тогда меня спрятала и выходила молодая беременная женщина, муж которой был на фронте. По другую сторону фронта...

До сих пор удивляюсь ее мужеству. Тому, как она скрывала меня, лечила и позже помогла бежать оттуда.

Из логова ненависти, в котором совершенно удивительным образом выжила милость...

Так вот, я вдруг понял, что мы находимся именно здесь, в той деревне. Я узнал даже скамейку, за которой в кустах я прятался в ту ночь, когда бежал...

Сегодня деревня была пустой.

Но какое-то подспудное чувство подсказывало, что где-то скрываются люди.

Я шёл по мертвым улочкам, не чувствуя своих ног. Только чавкающая под ногами грязь говорила о том, что это не сон. И это я, вернувшийся сюда 28 лет спустя.

Невольно ноги сами понесли меня вперёд. Я ускорил шаг и оказался перед знакомым домом. Я открыл калитку и вошёл.

Двор был безлюден. Но неожиданно раздался лай. Навстречу выбежала собака, приветливо виляя хвостом. Неужели это была она ?

– Нет, не может быть, – подумал я. – Собаки столько не живут. Но она была вылитая Динга!

Я рассказывал тебе, как эта добрячка зализывала мне раны на ногах.

Это мохнатое чёрное чудо и привело меня к железной калитке, от которой шла лестница вниз.

Я понял, что дальше идти небезопасно и быстро повернул назад, за ребятами.

Через минут двадцать я в сопровождении наших солдат опять стоял у железной калитки.

Собака на этот раз встретила нас недружелюбно. Один из наших предложил убить ее, но я не позволил.

Я крикнул ей: Динга, на место!

Завиляв хвостом, она подбежала ко мне и стала меня облизывать.

Тем временем наши солдаты уже вошли и обыскали дом, но там никого не было.

Я знал, где надо искать.

Наш командир был в курсе моей истории, связанной с этим домом. Я попросил его позволить мне пойти вперёд.

По военным правилам я, как военный репортёр, не имел на это права.

Он кивнул, и я спустился по ступенькам вниз.

Собака пошла за мной.

Внизу я очутился перед деревянной дверью.

Я стал в нее стучаться, но никто не откликнулся. Тогда я прокричал, что я знаю, что там кто-то скрывается. И если они не выйдут, мы подорвем этот дом.

В ответ раздался знакомый женский голос.

– Не делайте этого. Здесь со мной 3 воина. Каждого из этих мальчиков дома ждут родители. Если эти дети выживут, их родители будут до конца своих дней благодарны вам – воинам, не убийцам.

– Я поэтому и прошу вас выйти, – ответил я ей. – Мы не собираемся убивать вас.

– Мы не верим тебе, – раздался мужской голос.

– Как мне убедить вас? – ответил я. – Давайте так. Я сниму свой бронезилет. Нас здесь десять человек. Но в деревне, как вы понимаете, расположена вся наша, азербайджанская, воинская часть. Я войду к вам без бронезилета. Но если вы пристрелите меня, вы все будете убиты.

– Мы не верим тебе! – твердо раздался тот же голос.

Видимо, по-русски могли говорить только она и он. Тут я решился признаться.

– Люся, ты не узнала меня? Вспомни, май 92 года....

Ледяное молчание, длившееся пару долгих секунд, буквально треснуло от теплоты звонкого голоса.

– Вай аствац! Неужели это ты?! – затрещала дрожащим голосом она.

За дверью начались бурные обсуждения. Судя по тону, она спорила с кем-то.

– Подожди минутку, – обратилась она ко мне. – Я им хочу объяснить, что ты не обманешь.

– Объясни им, что мне незачем обманывать. А им нечего сопротивляться.

Через две-три минуты она сказала:

– Мы готовы выйти.

По моему приказу они выходили один за другим. Подняв руки вверх, они поднялись по лестнице. Там их встретили наши ребята.

Но в следующую минуту произошло то, чему я до сих пор не могу дать объяснения.

Кто-то прыгнул на меня сзади и начал душить...Я ощутил острую, жгучую боль под лопаткой...

Дальше раздался лай собаки, выстрел, завывание, захлебнувшееся хрипом..

Прямо у моих ног лежала мертвая собака.

Одновременно разнесся неистовый крик... Вопль Люси до сих пор у меня в ушах. И в это же мгновение чертенок – крепкого телосложения подросток, спрыгнув с меня, бросился в объятия Люси. Он оказался ее сыном.

Я не понимаю, как я мог его не заметить? Откуда он выскочил?

Не знаю... Дальше я уже ничего не видел. Потерял сознание.

Он успел ранить меня ножом. Но ты только не волнуйся. Я в госпитале, меня лечат. И, надеюсь, я здесь пробуду недолго.

Так я встретил свой ДР.

Береги себя. Очень скучаю. Я тебя очень люблю!

П.С. Ты не переживай ни о чем. Увидимся. Полшага до победы...»

Слезы душили меня. Я уткнулась в подушку и громко заплакала.. А в голове стучало одно: «Полшага до победы».

Полшага до победы!

Полшага до тебя!

Снова ожили веды,

В горны ведьмы трубят.

Бездыханное поле

Полыхает огнём...

Онемевшая воля

Волком мчится в мой дом.

Одинокого зверя не затравит никто!

Полшага до победы!

Только мир далеко...

***

«Только мир далеко... Это правда, – написал он мне через пару часов из госпиталя. – Они не успокоятся и после. Ты будь там очень осторожна».

Почему его письмо было таким коротким? Я пыталась дозвониться к нему, но все тщетно. Соединения не было.

Шел 42-й день войны. Отовсюду летели сообщения о том, что мы взяли Шушу, но, судя по официальным источникам, шума было больше, чем продвижений на фронте. Хотя я была склонна думать иначе.

Между тем подходило время нашего совместного проекта. Я уже сообщила в редакцию о том, что буду одна работать над репортажем.

Но в глубине души я надеялась на чудо...

Чуда не произошло, не считая молниеносного взятия Шуши и последующей, неожиданной для всех, и для вражеской стороны, их капитуляции.

Война, второй раз бурей ворвавшаяся в самое счастливое время нашей жизни, так же внезапно стихла.

Не утихала только боль.

Боль в сердце, переполненном радостью и скорбью, счастьем и горечью.

И ожиданием. Томительным ожиданием его возвращения.

***

Томительным ожиданием его возвращения было пронизано всё. Большими стежками оно сшивало все фрагменты моей повседневной жизни. И даже терпение, которое порой лопалось, и тогда я, несмотря на бушевавший повсюду Covid, готова была вылететь в Баку

И мои письма, в которых я просила его слушаться врачей.

И мои молитвы.

С последнего короткого сообщения от него прошло 48 часов.

На мобильный звонки по-прежнему не доходили, и я решила позвонить в госпиталь, о котором он упомянул в одном из писем.

– Такого человека нет здесь, – ответили мне.

– Как нет?! Но он был госпитализирован?

– Нет, ханым. Это какая-то ошибка.

У меня потемнело в глазах.

– Ты в порядке? Мама! .. – надо мной склонилось взволнованное лицо дочки.

– Да... – ответила я и, крепко обняв её, разрыдалась.

Следующий месяц прошел в мучительных и безрезультатных поисках его через соц.сети, через общих друзей.

В тягостных мыслях и анализе ситуации, где вновь дала о себе знать старая, но, как оказалось, незаживающая обида.

Обида, живущая в воспоминаниях. В старой московской квартире, в конце лета 1992 года...Все эти годы я старалась не вспоминать тот день. Через две недели после моей помолвки с Францем. Тот неожиданный звонок, который подарил и радость, и горечь одновременно.

– Ало, Ната?

– Ты?! Господи, ты жив!!! Я так ждала...

– Ждала?! Ты умеешь ждать?

– Что ты имеешь в виду? Ты пропал....Все уверены были....

– Остановись. Не надо объяснять. Я всё знаю.

– ...Но ты...

– Что я? Я был ранен!
– Но ты должен был сообщить!
– Я не мог. И вообще... Я позвонил тебя поздравить. Будь счастлива!
Эти слова и краткие частые гудки в телефонной трубке прозвучали смертным приговором моим к нему чувствам, которые душила обида.
На него, на себя, на судьбу.
Но, как оказалось, любовь уцелела. Она пряталась в самом укромном уголке моего сердца и ждала своего часа.
Этот час наступил через 30 лет.
Случайная встреча выпустила ее на свободу...

– Ты не вспоминал меня?
– Я не забывал тебя...
– Почему ты не искал меня?
– Я был далеко. Когда заморозилась наша война, я понял, что не могу жить под мирным небом, где продолжает царить несправедливость.
Война сеет разрушительный вирус ненависти. Но я был привит.
И я решил быть на войне, чтоб рассказывать о ней правду.
– Значит, ты и завтра можешь меня оставить?..
– Давай пока наслаждаться сегодняшним днём...

Вспоминания погрузили меня в сон...
Мы на набережной. Штормит.
Я бегу. Он догоняет меня. Берет на руки. Кружит.
Шепчет: загадай желание!
Я загадываю...
Потом он исчезает. Я оказываюсь в комнате. В руках мобильный...
Телефонный звонок разрезает ночную тишину:

– Ната... – далёким эхом разливался его голос.
– Ты?.. Где ты? Я искала тебя...
– Знаю. Я был ранен.
– Но тебя не было в госпитале!
– Я не мог дать точные координаты. Они взламывали наши аккаунты.
– Но где ты? В Баку?
– Нет. Ната... Я тебя очень люблю!
– Когда ты возвращаешься?
– Ната. Я не могу вернуться.
– Почему?..
– Я нахожусь далеко.
– Но..
– Я не могу иначе...Поэтому я и здесь сейчас...
– Где ты?..
– Я дам тебе знать. Ты только верь, пожалуйста, верь и не забывай меня. Я люблю тебя!..
– И я люблю тебя!

За окном брезжил рассвет... Звёзды гасли по одной... И только самая большая долго горела, освещая небесную сцену ярким светом...

Прага, 14.11.2020.